

В. В. Марчук

СТРУКТУРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ

Правильное понимание структуры уголовно-правовой нормы имеет не только теоретическое, но и практическое значение: применение уголовно-правовой нормы является главным моментом в квалификации преступлений и индивидуализации уголовной ответственности.

В теории права под структурой нормы принято понимать ее внутреннее строение, способ связи составляющих ее содержание элементов. В отечественной учебной литературе по уголовному праву вопрос о структуре уголовно-правовой нормы рассматривается лишь относительно нормативных положений Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь, в которых сформулирован уголовно-правовой запрет. При этом правоведы в структуре нормы выделяют два ее элемента: диспозицию и санкцию. Под диспозицией принято понимать ту часть уголовно-правовой нормы, в которой дается название преступления или раскрываются его признаки, а под санкцией – часть нормы, в которой предусматривается вид и размер наказания за преступление, указанное в диспозиции¹. Такой подход к структуре уголовно-правовой нормы был сформирован советской школой уголовного права² и доминирует в настоящее время в уголовном праве государств, образовавшихся на постсоветском пространстве³. В его рамках структура уголовно-правовой нормы фактически рассматривается лишь в контексте содержания нормативного материала, указанного в соответствующей статье Особенной части УК.

Вместе с тем специальные уголовно-правовые исследования структуры уголовно-правовой нормы показывают, что этот вопрос является одним из самых запутанных в уголовном праве. Множественность уголовно-правовых подходов по этому вопросу во многом обусловлена неразрешенностью до настоящего времени в общей теории права проблемы структуры юридической нормы. По этой проблеме в общетеоретическом учении о правовой норме существуют разные точки зрения.

Наиболее распространенной в общей теории права является научная позиция о трехчленной (трехэлементной) конструкции любой правовой нормы. Конструкция трехчленного строения правовой нор-

мы была впервые выдвинута С. А. Голунским и М. С. Строговичем⁴ и широко поддерживается в настоящее время в юридической литературе⁵. В трехчленной (трехэлементной) конструкции структура правовой нормы рассматривается по формуле «если – то – иначе»: если есть в наличии определенные обстоятельства (гипотеза), то лицо обязано не совершать определенные действия (диспозиция), иначе для него наступают неблагоприятные последствия (санкция).

Некоторые правоведы считают, что любая правовая норма состоит из двух элементов⁶. Двухчленная (двухэлементная) концепция построена по формуле «если – то». Первая часть нормы является гипотезой, а вторая – либо диспозицией, либо санкцией.

Ряд авторов полагают, что правовая норма может состоять как из трех, так и из двух элементов⁷. Такой подход объясняют тем, что разные нормы имеют различную структуру.

В литературе высказано мнение о том, что в правовой норме следует выделять четвертый элемент: ту часть, которая указывает на круг регулируемых отношений⁸. Есть точка зрения о необходимости выделять в норме пятый элемент – указание на ее цель⁹. В зарубежной теории права было высказано суждение о том, что норма права состоит из шести частей. Так, Фон Райт считает, что правовая норма состоит из следующих частей: «1) характера (разрешающая, запрещающая или обязывающая норма); 2) содержания (названия деяния); 3) условия, в которых логически возможна реализация нормы; 4) авторитета (органа, установившего норму); 5) субъекта (адресата, к которому обращена норма); 6) обстоятельства, с наступлением которых реализуется норма»¹⁰. Санкция при таком подходе не является частью нормы.

Отсутствие однозначного отношения к структуре правовой нормы порождает и разное толкование отдельных структурных частей нормы права. Сторонники трехэлементной структуры правовой нормы определяют гипотезу нормы в целом как условия применения нормы права: «часть правовой нормы, предусматривающей обстоятельства, при наступлении которых следует руководствоваться установленным ею правилом»¹¹, «условия действия прав и обязанностей, предусмотренных диспозицией нормы»¹², «структурный элемент нормы права, указывающий на жизненные условия, фактические обстоятельства вступления нормы права в действие, реализации ее диспозиции»¹³. Диспозицию при таком подходе определяют как правило поведения, установленное нормой¹⁴. Но содержание этого правила поведения многие

авторы практически отождествляют с взаимными правами и обязанностями участников правоотношения¹⁵. Санкцию связывают с неблагоприятными последствиями, предусмотренными нормой. Фактически санкцию рассматривают как юридическую ответственность, которую несет субъект при невыполнении правила поведения, закрепленного в норме¹⁶.

Иной подход у сторонников двухэлементной структуры правовой нормы. Так, Е. А. Крашенинников и Т. Н. Лисова считают, что «любая правовая норма складывается из двух рефлексированных друг в друга частей: гипотезы, указывающей на условия, при наличии которых возникают субъективные права и юридические обязанности, предусмотренные диспозицией, и диспозиции, которая указывает на субъективные права и юридические обязанности, возникающие при наличии предусмотренных гипотезой условий. В юридических нормах, рассчитанных на конфликтные ситуации, вторая часть называется санкцией, а все нормы данного вида фигурируют в качестве охранительных по отношению к охраняемым ими регулятивным нормам права»¹⁷.

По мнению В. П. Коняхина, в основе столь противоречивых подходов относительно структуры правовой нормы «лежит нерешенность (а нередко и игнорирование) одной из самых старых проблем теории права и государства – проблемы соотношения содержания и формы выражения права. Всякая попытка перенести закономерности структурирования содержания права на форму его выражения приводит к неразрешимому формально-логическому противоречию, поскольку элементы структуры содержания права и элементы структуры формы его выражения никогда не совпадают»¹⁸.

В системе публичного права многие авторы структуре норм придают специальное отраслевое значение. Так, А. Н. Крамник делает вывод о том, что «в преобладающей части норм административного права имеется не три части, а две: гипотеза и диспозиция или диспозиция и санкция»¹⁹.

В уголовном праве ту часть нормы, которую в общей теории права принято называть гипотезой, большинство авторов почему-то именуют диспозицией. Следует заметить, что в учебной литературе советского периода некоторые ученые, видимо, понимая несогласованность уголовно-правового подхода с общетеоретическим учением о правовой норме, придерживались двухэлементной классификации, но

вели речь не о структуре уголовно-правовой нормы, а о структуре статей уголовного закона²⁰. Однако некоторые авторы, выделяя диспозицию и санкцию статьи Особенной части, затрагивали вопрос и о структуре уголовно-правовой нормы. Отмечая разницу между статьей уголовного закона и уголовно-правовой нормой, они в структуре нормы, помимо диспозиции и санкции, называли третий элемент нормы – гипотезу, относя к ней условия, при наличии которых осуществляется норма. При этом пояснялось, что гипотеза уголовно-правовой нормы специально не определена в статьях Особенной части, но она вытекает из содержания статей Особенной части и ряда положений Общей части²¹. Эта позиция с определенной модификацией поддерживается в настоящее время некоторыми российскими учеными. Так, в курсе уголовного права, изданного коллективом авторов кафедры уголовного права МГУ, отмечается: «Гипотеза в уголовно-правовой норме не приводится. Она предполагается примерно в следующей форме: “если кто-либо совершит убийство...”, а далее следует диспозиция, определяющая, что следует понимать под убийством»²².

В специальной уголовно-правовой литературе предпринималась попытка объяснить структуру нормы в уголовном праве с точки зрения их адресованности в контексте позитивного или негативного (ретроспективного) аспекта уголовно-правового регулирования. В позитивном аспекте уголовно-правового регулирования норма (она рассматривается как обращенная к гражданам) содержит три элемента. Но в негативном аспекте (норма обращена к суду) – два элемента: гипотеза и диспозиция²³. Однако А. И. Бойцов считает, что и негативный аспект нормы включает в себя три элемента²⁴.

Некоторые авторы, придерживаясь позиции о двухэлементной структуре нормы, высказывали мнение о том, что в Особенной части уголовного законодательства признаки преступления описываются в гипотезе²⁵. Например, В. Г. Смирнов писал о том, что «нормы Особенной части уголовного законодательства состоят только из двух структурных частей: гипотезы и санкции»²⁶. Эта точка зрения поддерживается и в настоящее время некоторыми российскими учеными. Так, Е. В. Благов, придерживаясь двухэлементной теории уголовно-правовой нормы, определяет гипотезу как часть нормы, «которая указывает на совокупность признаков всех проявлений состава определенного преступления, а также деяний, в силу малозначительности не представляющих общественной опасности, и обстоятельств, исклю-

чающих преступность деяния, при соответственно наличии и отсутствии которых возникают субъективные права и юридические обязанности, предусмотренные санкцией»²⁷. Такое определение структуры уголовно-правовой нормы не бесспорно, но концептуально, в аспекте придания гипотезе функции определения круга юридически значимых обстоятельств, с наличием которых связано применение нормы, данный подход является верным.

Не однозначно решается вопрос о структуре нормативных положений, содержащихся в Общей части Уголовного кодекса. Например, Б. А. Куринов утверждает: «Нормы Общей части вообще не имеют внутренних структурных частей»²⁸. В другом месте своей работы автор высказывает предположение о том, что роль гипотезы для норм Особой части выполняют статьи Общей части уголовного законодательства²⁹. Б. В. Яценко усматривает в нормах Общей части УК лишь диспозицию³⁰. В. Г. Смирнов выделяет в нормах Общей части два элемента: гипотезу и диспозицию³¹. Однако некоторые авторы считают, что нормы Общей части состоят из трех элементов³². В. П. Коняхин, поддерживая этот подход, рассматривает структуру нормативных предписаний Общей части уголовного права на основе структуры логической нормы права. Концепция логической нормы права была выдвинута С. С. Алексеевым. Согласно этой концепции «логическая норма выражает способ (закон) связи правовой системы на уровне ее первичных элементов – правовых предписаний. Это такая связь между нормативными предписаниями, которая выявляет их правовые, государственно-властные свойства. В большинстве случаев логическая норма обнаруживается в нескольких статьях нормативного акта или даже в разных нормативных актах»³³. По мнению В. П. Коняхина, каждое нормативное предписание Общей части представляет собой не только часть уголовно-правовой нормы, логически связанную с корреспондирующим предписанием Особой части, но и относительно автономное правило, которое обладает собственной структурой (на более низком или субэлементном уровне), несущей как системную, так и внутреннюю функциональную нагрузку. Концепция трехэлементной структуры логической уголовно-правовой нормы предполагает разделение составляющих ее содержание гипотезы, диспозиции и санкции между нормативными предписаниями, закрепленными в Общей и Особой частях УК³⁴.

Полагаю, следует согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что уголовно-правовые нормы необходимо рассматривать в рамках концепции о трехэлементной структуре нормы. Ю. С. Жицинский образно, но справедливо отметил: «Без диспозиции норма немислима, без гипотезы – бессмысленна, без санкции – бессильна»³⁵.

Считаю, что именно в гипотезе уголовно-правовой нормы указываются признаки соответствующего вида преступления. Представляется, что диссимилиация диспозиции в уголовном праве произошла в советский период времени в целях придания категории «состав преступления» роли основания уголовной ответственности. С позиции учения о составе преступления трудно объяснить наличие гипотезы в уголовно-правовой норме. К тому же гипотеза нормы шире состава преступления. Между тем, понимание диспозиции как части нормы, в которой описываются признаки состава преступления, порождает трудности в определении некоторых обстоятельств, имеющих значение для квалификации преступления. Так, не всегда просто объяснить конструкцию объективной стороны состава некоторых преступлений (например, умышленного разглашения государственной тайны (ст. 373 УК). С точки зрения учения о составе преступления сложным для понимания является вопрос о последствиях некоторых преступлений. Например, почему при склонении к самоубийству (ст. 146 УК) общественно опасным последствием признается покушение на самоубийство³⁶?

Гипотеза любой нормы права не только описывает обстоятельство, при наличии которых применяется норма, но и придает этим обстоятельствам значение юридического факта. В гипотезе уголовно-правовой нормы в обязательном порядке содержится указание на факты, приобретающие юридическое значение в качестве реального основания уголовной ответственности. В настоящее время это основание в обобщенном виде указано в ст. 10 УК Республики Беларусь: совершение виновно запрещенного Уголовным кодексом деяния в виде оконченного преступления, приготовления к совершению преступления, покушения на совершение преступления или соучастия в совершении преступления. Общественно опасное деяние, описываемое в гипотезе нормы, может конкретизироваться с учетом ряда обстоятельств, приобретающих уголовно-правовое значение при применении нормы: времени совершения преступления (добыча рыбы или водных животных в запретное время (ч. 1 ст. 281), уклонение военно-

служащего от несения военной службы, совершенное в военное время (ч. 2 ст. 447) и др.); места совершения преступления (незаконная охота на территории заповедника (ч. 2 ст. 282), порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах (ст. 341), самовольное оставление поле боя (ст. 449) и др.); обстановки совершения преступления (например, дезертирство, совершенное в боевой обстановке) и т. д. Некоторые гипотезы уголовно-правовых норм связывают применение нормы с обязательным наличием нескольких юридических фактов, которые в своей совокупности свидетельствуют о наличии преступления (в теории права такое сочетание называют фактическим составом). Так, норма, предусматривающая уголовную ответственность за недобросовестную охрану имущества (ст. 220) может быть применена при наличии двух взаимообусловленных юридических фактов: недобросовестное исполнение одним лицом обязанностей по охране вверенного имущества и совершение другим лицом (лицами) в особо крупном размере хищения, либо уничтожения имущества, либо его повреждения. Есть гипотезы, в которых применение соответствующей уголовно-правовой нормы связано с наличием фактического состава и с обязательным отсутствием юридического факта, определенного другой уголовно-правовой нормой. Гипотеза такой нормы содержит отсылочный элемент, т. е. адресуется к другой уголовно-правовой норме. Например, норма, предусматривающая ответственность за незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (ст. 187, действующая в редакции от 04.05.05 г.³⁷), может быть применена при установлении двух обусловленных фактов: есть незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей, совершенные одним лицом, и имеет место вовлечение этих граждан помимо их воли в сексуальную или иную эксплуатацию, совершенное другим лицом (лицами). При этом в ч. 1 ст. 187 УК содержится законодательная оговорка ссылочного характера: «при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 181 настоящего Кодекса», т. е. при отсутствии признаков торговли людьми.

В гипотезе уголовно-правовой нормы указывается не только основание уголовной ответственности, но и определяются условия ответственности. В этом смысле любая статья Особенной части УК, устанавливающая ответственность за соответствующее поведение, всегда включает в себя положения статей, содержащиеся в главе 5 УК.

Условия уголовной ответственности можно разделить на необходимые и дополнительные. К необходимым условиям относится вменяемость и возраст, с которого наступает уголовная ответственность. Специальным видом вменяемости является уменьшенная вменяемость (ст. 29 УК). Установление необходимых условий уголовной ответственности обязательно при привлечении лица к уголовной ответственности за любое преступление. Дополнительными условиями уголовной ответственности являются административная или дисциплинарная преюдиция либо требование потерпевшего или его законного представителя о привлечении к уголовной ответственности. Дополнительные условия уголовной ответственности подлежат обязательному установлению только в случаях, специально предусмотренных уголовным законом. Так, в ст. 33 УК указан перечень преступлений, уголовные дела по которым могут быть возбуждены только при наличии заявления потерпевшего или его законного представителя.

Таким образом, по своему функциональному предназначению гипотеза уголовно-правовой нормы дает возможность идентифицировать конкретный жизненный случай как преступное проявление. Для правоприменительных органов она определяет пределы доказывания и имеет основополагающее значение в процессе квалификации преступления.

В уголовном праве, при применении которого решается судьба человека, чрезвычайно важно свести к минимуму условность терминологии. Отрицание гипотезы уголовно-правовой нормы либо отождествление ее с диспозицией ставит под сомнение основания и условия, при которых норма должна применяться. Пришло время отказываться от сложившегося в уголовном праве стереотипа о том, что в диспозиции описывается преступление. Выделение гипотезы уголовно-правовой нормы в качестве самостоятельной ее части согласуется с общетеоретическим учением о структуре правовой нормы, упраздняет, существующую в уголовном праве терминологическую неразбериху по этому вопросу, позволяет определить совокупность юридически значимых обстоятельств, необходимых для реализации уголовно-правовой нормы.

Диспозиция уголовно-правовой нормы обусловлена ее гипотезой и определяет не только сущность уголовно-правового запрета (нельзя воровать, применять насилие и т. д.), но и устанавливает содержательную часть уголовного правоотношения. В аспекте позитивного

правового регулирования установление уголовно-правового запрета порождает взаимные права и обязанности у участников уголовных правоотношений. Такие отношения в отечественной литературе в настоящее время называют общими охранительными уголовно-правовыми отношениями³⁸. В общетеоретическом учении правовой нормы многие ученые не без оснований называют диспозицию «сердцевиной нормы». Без диспозиции уголовно-правовая норма теряет смысл. Именно она закрепляет для всех граждан юридическую обязанность не совершать запрещенных деяний, определяя таким образом пределы дозволенного поведения.

Санкция уголовно-правовой нормы логически непосредственно связана с ее гипотезой и диспозицией. Наличие оснований и условий уголовной ответственности свидетельствует о нарушении уголовно-правового запрета и создает предпосылки для применения принудительных мер уголовно-правового воздействия.

Конструкцию нормативных положений, содержащихся в статьях Особенной части УК и устанавливающих уголовную ответственность, конечно, нужно рассматривать в неразрывном единстве с нормативными положениями Общей части УК. Однако подвергнуть структурному делению нормативные положения, содержащиеся во всех статьях Общей части УК, не представляется возможным. По своему содержанию эти положения очень разные. Многие из них содержат дефиниции, декларации и иные общие, но вместе с тем важные для уголовного права положения. Это касается и некоторых нормативных положений, которые содержатся в соответствующих примечаниях к определенным разделам, главам или статьям Особенной части УК. Например, в части первой примечаний к главе 26 УК дается определение преступления против экологической безопасности и природной среды. Это определение лишь конкретизирует общие признаки преступления, указанные в ч. 1 ст. 11 УК. В этом смысле заслуживает внимания предложение некоторых российских правоведов о перемещении дефинитивных норм, содержащихся в Особенной части УК, в Общую часть³⁹. В УК Беларуси место этих нормативных положений – в статье 4 «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса».

Исходя из единства Общей и Особенной части уголовного законодательства, положения Общей части дополняют содержание соответствующих статей Особенной части. Многие положения Общей части, имея характер нормативного предписания, являются неразрыв-

ной составляющей нормативных положений Особенной части. В своем единстве они и образуют уголовно-правовую норму. Одни нормативные предписания Общей части насыщают и делают завершенной гипотезу уголовно-правовой нормы (нормативные предписания о вине (ст. 22–25 УК), о возрасте, с которого наступает уголовная ответственность (ст. 27 УК), о превышении пределов необходимой обороны (ч. 3 ст. 34 УК) и др.). Другие формулируют содержательную часть диспозиции (принципы уголовного закона (ст. 3), принципы действия уголовного закона во времени и пространстве (ст. 5–9) и др.). Третьи уточняют санкцию (например, положения, закрепленные в ст. 50 УК, конкретизируют пределы назначения наказания в виде штрафа). При этом к санкции нормы следует относить не только наказания, которые указаны в соответствующих статьях Особенной части УК, но и иные меры уголовной ответственности (например, меры, применяемые при осуждении с отсрочкой исполнения наказания (ст. 77)). Иные меры уголовной ответственности тоже обладают качествами государственного принуждения, хотя они и более либеральны по своему характеру, чем наказания. Кроме того, этот вывод обосновывается положением, содержащимся в ч. 1 ст. 1 УК: Уголовный кодекс «устанавливает наказания и иные меры уголовной ответственности, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступления».

В литературе отмечается, что «структура уголовно-правовой нормы может не совпадать со структурой статей закона»⁴⁰. Применительно к уголовно-правовым нормам, устанавливающим запрет на определенное поведение, структура нормы никогда не совпадает со структурой статьи Особенной части. Она всегда включает в себя целую совокупность нормативных предписаний, содержащихся в статьях Общей части.

Иногда в процессе правотворческой деятельности в статьях Особенной части УК появляются положения, которые явно входят в противоречие с нормативными предписаниями, содержащимися в статьях Общей части. Прежде всего это касается законодательного определения пределов санкции за соответствующее преступление. Например, в первоначальной редакции ч. 2 ст. 164 УК Беларуси 1999 г. (нарушение порядка проведения трансплантации) в качестве основного вида наказания было предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет. Максимальный предел санкции за это преступление не соответствовал нормативному предписанию, со-

держашемуся в ч. 2 ст. 57 УК, согласно которому срок лишения свободы за преступления, совершенные по неосторожности, не может превышать семи лет. Впоследствии законодатель исправил это недоразумение⁴¹. К сожалению, подобные коллизии порождаются вновь при внесении законодателем очередных изменений и дополнений в действующий Уголовный кодекс. Так, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 04.05.2005 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные связанные с ней правонарушения» в санкции ч. 2 ст. 181 УК установлено наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до двенадцати лет с конфискацией имущества⁴². При установлении санкции за квалифицированный вид торговли людьми законодатель проигнорировал положение Общей части УК, содержащееся в п. 2 ч. 2 ст. 115 УК: лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет, срок наказания в виде лишения свободы за тяжкое преступление не может превышать семи лет. Если законодатель установил нижний предел лишения свободы за данное преступление в десять лет, то какими нормативными предписаниями должен руководствоваться судья при назначении наказания несовершеннолетнему преступнику?

В целях преодоления такого рода коллизий В. П. Коняхин предложил зафиксировать непосредственно в уголовном законе положение о приоритете предписаний, закрепленных в Общей части по отношению к предписаниям, закрепленным в Особенной части уголовного законодательства⁴³.

Поддерживая реализацию данной идеи на нормативном уровне в отечественном законодательстве, полагаю, что проблему разрешения коллизий следует ставить шире. Правотворческая практика показывает, что иногда при создании норм уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права возникают противоречия с нормами уголовного права. Так, часть вторая ст. 189 УИК в ее первоначальной редакции предписывала, что отсрочка отбывания наказания в отношении осужденных беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, не применяется к женщинам, осужденным к лишению свободы за тяжкое или особо тяжкое преступление. Данное положение уголовно-исполнительного закона противоречило ч. 1 ст. 93 УК, согласно которой этот вид освобождения от отбывания наказания может применяться к женщинам, осужденным за тяжкое или

особо тяжкое преступление, но при условии, что назначенный срок лишения свободы за данные категории преступлений не превышает пяти лет. Устранено это противоречие было лишь спустя два года путем внесения законодателем соответствующего дополнения в ч. 2 ст. 189 УИК⁴⁴. Имеются несоответствия между нормативными положениями уголовного и уголовно-процессуального закона. Например, согласно ч. 1 ст. 98 УК вопрос о снятии судимости может быть инициирован в суде только по заявлению лица, имеющего судимость. Однако, по смыслу ч. 2 ст. 403 УПК дело о снятии судимости рассматривается судом при наличии ходатайства органа, ведающего исполнением наказания. Если такого рода ходатайство отсутствует, то может ли судья решить вопрос о снятии судимости на основании заявления потерпевшего? В УПК не регламентирован вопрос и о том, может ли лицо, имеющее судимость, обратиться повторно с заявлением о досрочном снятии судимости в случае вынесения постановления об отказе. Часть третья ст. 403 УПК устанавливает срок относительно подачи лишь повторного ходатайства о снятии судимости в случае вынесения постановления об отказе. Но и это положение процессуального закона вступает в противоречие с принципом равенства всех перед уголовным законом (ч. 3 ст. 3 УК), поскольку фактически лишает возможности подавать повторное ходатайство о снятии судимости в отношении лиц, имеющих судимость за умышленные преступления, не представляющие большой общественной опасности и умышленные менее тяжкие преступления.

В целях преодоления имеющихся и возможных в будущем коллизий между нормативными предписаниями уголовного и смежного с ним закона, направленного на борьбу с преступностью, полагаю есть необходимость включить в Общую часть УК статью о том, что при возникновении такого рода противоречий приоритет должен отдаваться норме уголовного права.

¹ Крымінальнае права Беларусі: (закон, злачынства, адказнасць) / Пад рэд. А. У. Баркова. Мн., 1997. С. 23–25; Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В. М. Хомича. Мн., 2002. С. 38–39; *Бабий Н. А.* Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: Конспект лекций. Мн., 2000. С. 16–17.

² См., например, Курс советского уголовного права (Часть Общая) / Под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1968. Т. 1. С. 74–76.

³ См., например, Уголовное право Украины: Общая часть: Учебник / Под ред. М. И. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тация. Киев, 2003. С. 47–51; *Игна-*

тов А. Н., Красиков Ю. А. Курс российского уголовного права: В 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2001. С. 28.

⁴ Теория государства и права. М., 1940. С. 251–253.

⁵ См. например, Общая теория права: Учеб. пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. Мн., 2005. С. 185–186; *Клименко А. В., Румынина В. В.* Теория государства и права. 2-е изд. испр. и доп. М., 2004. С. 149; *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М., 2001. С. 391–393.

⁶ См., например, *Курылев С. В.* О структуре юридической нормы // Труды Иркутского государственного университета. Вып. 4. Иркутск, 1958. С. 172–189.

⁷ См. например, *Шатков Г. И.* О структуре советской правовой нормы // Вестник ЛГУ. 1962. Вып. 3. № 17. С. 128–130; *Кудрявцев Ю. В.* Нормы права как социальная информация. М., 1981. С. 54–60.

⁸ *Алексеев С. С.* Общая теория права: В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 57.

⁹ *Фактуллин Ф. И.* Проблемы теории государства и права. Казань, 1987. С. 229.

¹⁰ Цит. по: *Берг О. В.* Некоторые вопросы теории нормы права // Государство и право. 2003. № 4. С. 19.

¹¹ Общая теория государства и права: Учеб. пособие / Л. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский; Под общ. ред. В. А. Кучинского. Мн., 2002. С. 262.

¹² *Нерсесянц В. С.* Указ. соч. С. 392.

¹³ Теория государства и права / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997. С. 317.

¹⁴ См., например, Общая теория государства и права / Под общ. ред. В. А. Кучинского. С. 262.

¹⁵ См., например, *Берг О. В.* Указ. соч. С. 19; *Морозова Л. А.* Основы государства и права: Учебник. М., 2004. С. 95; *Нерсесянц В. С.* Указ. соч. С. 391.

¹⁶ *Берг О. В.* Указ. соч. С. 19.

¹⁷ *Крашенинников Е. А., Лисова Т. Н.* Структура нормы права // Философские проблемы объективного права. Ярославль, 1990. С. 21.

¹⁸ *Коняхин В. П.* Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 207.

¹⁹ Курс административного права Республики Беларусь / А. Н. Крамник. Мн., 2002. С. 26.

²⁰ См., например, Уголовное право. Общая часть. М., 1943. С. 83–84; Уголовное право БССР. Т. 1. Часть Общая. / Под ред. И. И. Горелика. Мн., 1978. С. 17–18; Советское уголовное право: Часть Общая. / Под ред. П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. М., 1982. С. 38–39.

²¹ Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. В. Д. Меньшагина, Н. Д. Дурманова, Г. А. Кригера. М., 1969. С. 45–47; Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. Г. А. Кригера, Б. А. Куринова, Ю. М. Ткачевского. М., 1981. С. 47–51.

²² Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 90.

-
- ²³ Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 83.
- ²⁴ Бойцов А. И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб., 1995. С. 23.
- ²⁵ Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965. С. 35; Малков В. П. Совокупность преступлений (Вопросы квалификации и назначения наказания). Казань, 1974. С. 77–78.
- ²⁶ Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 35.
- ²⁷ Благов Е. В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб., 2004. С. 36.
- ²⁸ Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 46.
- ²⁹ Там же. С. 45.
- ³⁰ Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. А. И. Рарога. М., 1998. С. 19.
- ³¹ Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 35.
- ³² См., например, Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм (По материалам следственной и прокурорско-судебной практики). Волгоград, 1973. С. 31–33.
- ³³ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 12–39.
- ³⁴ Коняхин В. П. Указ. соч. С. 153, 208–209.
- ³⁵ Жицинский Ю. С. Санкция нормы советского гражданского права. Воронеж, 1968. С. 44.
- ³⁶ Подробнее см. Марчук В. Уголовно-правовая оценка деяний, инспирирующих суицид // Судовы веснік. 2003. № 2. С. 29–31.
- ³⁷ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2005. № 74. 2/1112.
- ³⁸ Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В. М. Хомича. С. 7–8, 16.
- ³⁹ См., например, Уголовный кодекс Российской Федерации. Общий комментарий. Сравнительная таблица. М., 1996. С. 52.
- ⁴⁰ См. например, Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 97.
- ⁴¹ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 04.01.2003 г. № 173-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2003. № 8. 2/922.
- ⁴² Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2005. № 74. 2/1112.
- ⁴³ Коняхин В. П. Указ. соч. С. 252, 258–259.
- ⁴⁴ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 04.01.2003 г. № 173-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2003. № 8. 2/922.